

Шимо устал говорить, повалился на траву и задремал. Когда Лэ Кэ встретил его впервые, они с Аманом точно так же спали и ленились в дупле дерева; теперь же, получив должность управляющего, Шимо стал вести себя еще более нагло и бесцеремонно. Лэ Кэ тоже церемониться не стал — устроился рядом и погрузился в полудрему.

В таком сонном забытии они пробыли до самого вечера, пока солнце не склонилось к западу. Большая часть дня уже минула, и рабы начали расходиться с работы, и только тогда Шимо и Лэ Кэ поднялись на ноги и вернулись в усадьбу.

Навстречу им шел Аман, на плече он тащил длинный деревянный ящик, обмотанный тканевыми полосами. Шимо окликнул его, но Аман лишь опасливо огляделся по сторонам и загадочно произнес:

— Угадайте, что тут?

Лэ Кэ прикинул длину ящика — она примерно соответствовала длине Короткого копья Красной Сакуры. Сердце у него ёкнуло, и он тихонько проговорил:

— Уж не барышни ли Лоли...

Аман ухмыльнулся:

— Братец, а ты у меня смысленный, с первого раза угадал. — Он понизил голос до шепота: — Главный управляющий Доха приказал мне завтра же покинуть остров и отвезти это копье обратно в усадьбу на хранение, чтобы барышня Лоли больше не докучала нам своими капризами. Главный управляющий особо велел держать все в строжайшем секрете и никому постороннему не проговариваться.

На лице Амана так и сияло торжество: его назначение доверенным лицом главного управляющего льстило самолюбию, и он просто не мог удержаться от хвастовства. Лэ Кэ же испытал глубокое разочарование. Хотя раньше он лишь подыгрывал Лоли, в глубине души он все же надеялся при случае помочь ей выкрасть копье обратно. Но стоило этому оружию покинуть остров, как о любых попытках похищения можно было забыть раз и навсегда.

В этот момент неподалеку раздался покашливание. Оглянувшись, они увидели заместителя управляющего Тало, который стоял у галереи и смотрел на них ледяным взглядом. Аман и Шимо тут же сообразили, что перегнули палку: будучи управляющими, они только позорили свое положение, болтая с простым рабом. Переглянувшись, все трое молча разошлись в разные стороны.

Пожинав, Лэ Кэ вернулся в большой деревянный барак, где жили мужчины-рабы. Несколько десятков человек спали на общих нарах, и от дурманящего смрада в комнате буквально нечем было дышать. Изнемогая от духоты, Лэ Кэ под предлогом сходить в уборную тайком выскользнул наружу.

Круглая луна поднималась из-за восточного горного хребта, словно огромный бумажный

фонарь, заливая ферму ярким светом. Проходя мимо прачечной, Лэ Кэ услышал доносившийся оттуда плеск воды. Заглянув в открытую дверь, он увидел одинокую фигуру: какая-то женщина с растрепанными волосами и грязным лицом усердно полоскала белье в нескольких больших кадях. Лунный свет падал на ее лицо — прекрасные глаза сияли, подобно осенней воде, а по изможденному лицу катились слезы, напоминая утреннюю росу на лепестках цветов. Ее нежные, белые, точеные пальчики едва удерживали половину мокрой ткани. Выполняя тяжелую черновую работу, она все равно сохраняла удивительно грациозную осанку.

Этой рабыней оказалась Вивиан. Пока остальные уже отдыхали, шестая госпожа нагроутила ее новыми поручениями. Бедняжка валилась с ног от усталости и недосыпа, едва держалась на ногах и, жалея саму себя, беззвучно плакала. Горькие слезы капали одна за другой, смачивая воротник на груди. Немного подумав, Лэ Кэ шагнул внутрь и громко бросил:

— Мои вещи очень дорогие, смотри не испорти их при стирке!

Вивиан испуганно вздрогнула, торопливо смахнула слезы и подняла голову. Узнав в нем того парня, который днем помогал ей носить воду, она растерялась, не понимая смысла его слов. С угрюмым видом она снова уткнулась в таз и не удостоила его ответом. Лэ Кэ выудил из бадьи мокрую тряпку и принялся с усердием тереть ее, бормоча себе под нос:

— Лучше уж самому постирать, а не то испортишь вещь, и с кого потом спрашивать компенсацию?

В прачечной стояла абсолютная тишина — лишь шуршало белье и плескалась вода под их руками. Лэ Кэ, проспавший полдня, полон сил и энергии, а кроме того, искренне сочувствуя горькой участи Вивиан, старался изо всех сил и перестирал почти всю гору белья. В бадье осталась последняя мокрая вещь, и они оба одновременно протянули к ней руки. Их пальцы соприкоснулись, и Вивиан отдернула руку, будто ее ударило током. Лэ Кэ подхватил вещь и пробормотал:

— А, так это же моя, а я тут до этого столько всего перемыл зазря!

Он встряхнул ткань и невольно улыбнулся: в руках у него оказалось женское платье.

Закончив стирку, Лэ Кэ вытащил деревянные лохани на уличную сушилку и вместе с Вивиан развесил чистое белье на веревках. Все это время Вивиан хранила молчание. Когда с делами было покончено, она молча опустила голову и скрылась в своей каморке на заднем дворе.

Глядя, как ее силуэт растворяется во тьме, Лэ Кэ подумал: ее все на ферме сторонятся и обижают, неудивительно, что она ко всем относится с подозрением. Я просто хотел немного облегчить ее ношу, от чистого сердца, неужели я ждал от нее слов благодарности?

Лэ Кэ уже собирался идти в барак, но при мысли о тамошнем спертом воздухе его передернуло от отвращения. Отыскав укромный уголок, куда не добирался лунный свет, он устроился прямо на земле и решил: лучше уж переночевать снаружи, чем вернуться в эту душегубку и задохнуться. Моя великая миссия по краже овощей еще не завершена, разве могу я вот так бесславно погибнуть?

Серебристый лунный свет озарял ферму, словно ослепительно белые траурные одежды вдовы. Тени от ветвей деревьев и молодой травы причудливыми пятнами лежали на дорожках поместья, колыхаясь и переливаясь. Вдруг на тропинке мелькнула темная фигура. Крадучись и прячась в траве, человек добрался до забора на краю усадьбы и принялся озираться по сторонам.

Лэ Кэ затаился в темноте. Незнакомец его не заметил, зато Лэ Кэ разглядел его отлично: это был заместитель управляющего Тало, которого он видел днем. Юноша сильно удивился, гадая, что же тот замышляет под покровом ночи.

За спиной у Тало висел какой-то туго набитый мешок. Убедившись, что вокруг ни души, он пролез сквозь дыру в живой изгороди. Поддавшись любопытству, Лэ Кэ на цыпочках подкрался ближе, раздвинул заросли и увидел в кустах лаз, ведущий прямо за пределы усадьбы. На сердце у него отлегло:

— Я-то переживал, что даже если удастся стянуть капусту, выбраться из поместья не выйдет, а тут, оказывается, есть такой тайный ход! Если бы не моя доброта и помощь Вивиан с прачкой, ни за что бы не обнаружил.

Лэ Кэ следом протиснулся в лаз, стараясь не издавать ни звука, чтобы не спутившего впереди Тало. Тот, казалось, сильно спешил: выбравшись наружу, он даже не стал оглядываться и быстрой трусцой, с мешком за плечами, направился к безлюдной россыпи валунов. Внимательно осмотревшись и убедившись в отсутствии погони, он присел на корточки и откинул дерн, словно какой-то ковер, обнажив круглое медное кольцо.

Ухватившись за кольцо, Тало повернул его три раза влево, два раза вправо и с усилием потянул на себя, сдвигая в сторону тяжелую каменную плиту. Показался черный провал входа. Тало закинул внутрь мешок, повозился с механизмом, вернул плиту на место, крутанув кольцо дважды вправо и трижды влево — прямо как замок на сейфе, — после чего аккуратно разгладил дерн. Действовал он быстро и сноровисто, судя по всему, проделывая это далеко не в первый раз.

Затаившись за деревом и затаив дыхание, Лэ Кэ наблюдал за всем происходящим. Убедившись, что Тало отправился в обратный путь, он припал к земле и замер, рассуждая про себя: этот заместитель днем такой благопристойный ходит, а по ночам проворачивает темные делишки. Разве ж я перед Вивиан виноват буду, если не загляну в его тайник и не узнаю, что он там прячет? Впрочем, к Вивиан это не имело никакого отношения — ему просто нужен был предлог, а приплести сюда красивую девушку было куда приятнее.

Дождавшись, пока Тало скроется из виду, Лэ Кэ на цыпочках подбежал к схрону, в точности повторил манипуляции замка — дерн, кольцо, три раза влево, два раза вправо — и перед ним действительно открылся глубокий лаз. Заглянув внутрь при свете луны, он увидел, что пещерка неглубокая, но вполне просторная, а на полу там и сям валялось несколько набитых мешков.

Лэ Кэ развязал один из них — внутри оказались кочаны капусты. Развязав остальные, он

обнаружил ровно то же самое: в каких-то мешках лежало по семь-восемь кочанов, в других — около десятка. Тут Лэ Кэ всё понял: Тало попросту занимался воровством на рабочем месте! Будучи высокопоставленным заместителем управляющего поместьем, он утаскивал капусту и прятал её здесь.

Судя по рассказам Амана и Шимо, на континенте ходили золотые, серебряные и медные монеты: одна золотая равнялась десяти серебряным, а серебряная — десяти медным, и так далее. Сами Аман и Шимо до повышения получали жалование всего по три серебряных в месяц, а став управляющими и дослужившись до пяти серебряных, были безумно счастливы.

Но цена одной-единственной капустной головки на материке достигала целых тридцать золотых монет, и при этом ее днем с огнем было не сыскать. Целая пещера отборной капусты, переправленная на материк, сулила баснословное богатство — неудивительно, что Тало решился на столь рискованное предприятие.

Лэ Кэ взвалил один мешок на плечо, замаскировал вход дерном и подумал: раз ты решил поиграть в хомяка, я устрою тебе классический грабеж грабителя. Если я не вынесу твой тайник подчистую, считай, зря потратил на тебя время.

Добравшись с мешком до нагромождения скал, Лэ Кэ увидел неподалеку бескрайнее море. Под сиянием луны вода мягко плескалась, а в лицо дул свежий морской бриз. Исполненный решимости и легкости на душе, он зашагал вперед в поисках подходящего места, где можно было бы припрятать добычу.

Вдруг откуда-то со стороны моря донеслось пение, плавное и текучее, словно горный ручей. Лэ Кэ остановился, прислушиваясь: песня состояла из отдельных звуков, но звучала настолько чарующе и сладко, что проникала прямо в сердце.

—

Я прихожу неслышно, ухожу без след,

Взмахну кинжалом — и живых в помине нет.

— А ну-ка сдали рекомендательные билеты!

—

<http://bllate.org/book/22005/2287726>